

Н. Б. Отрешко

кандидат социологических наук, доцент факультета социологии
Международного Соломонова университета
кв. 253, ул. Милославская, 31Б, г. Киев-97, 02097, Украина,
e-mail:otrashko71@mail.ru

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОСТИ В ИНДУСТРИАЛЬНОМ
И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ**

В статье рассматриваются особенности идеологического дискурса в индустриальном социальном пространстве. Обозначаются значимые черты и различия классического буржуазного, тоталитарного и постмодернистского типов идеологического дискурса.

Ключевые слова: социальное пространство, идеологический дискурс, буржуазный, тоталитарный, постмодернистский типы идеологического дискурса.

Постановка проблемы. Идеология как форма знания занимает особое положение по отношению к социологической науке. Чаще всего в западной критической теории общества идеология противопоставлялась научному взгляду на социальную реальность. Понятие идеологии связывалось леворадикальными исследователями с идеей ангажированности социального знания властными структурами. Речь шла о противопоставлении научной картины социального мира, сформированной независимыми исследователями, и идеологической, т. е. ложной, искаженной картины, сформированной в интересах властной элиты и политических структур. Такой взгляд на идеологию как форму ложного сознания был сформирован еще в классическом марксизме и позднее использован в 60-х годах XX столетия критической социальной теорией. Однако идеология может рассматриваться и в более широком контексте — в этом случае она становится дискурсом по поводу социальности, сформированным в условиях индустриального и постиндустриального социального пространства.

Современные исследования проблемы. В статье использован подход к идеологии К. Лефорта. В его очерках политической антропологии идеологического дискурс рассматривается как дискурс социальности в пространстве секулярного мира, лишенного выхода в трансцендентность. Отсюда замкнутость социальности на самой себе порождает смысл идеологического дискурса в индустриальном и постиндустриальном социальных пространствах [1]. Кроме очерков К. Лефорта в статье используются работы таких современных исследователей идеологии, как Ж. Рансьер, М. Ямпольский, С. Жижек [2–4].

Задачи исследования: обосновать особенности идеологического дискурса в индустриальном социальном пространстве, его отличие от религиозной

картины мира традиционного типа социальности; обозначить значимые черты и различия классического буржуазного, тоталитарного и постмодернистского типов идеологического дискурса; выделить основные проблемные зоны постмодернистского идеологического дискурса.

Материал исследования

Особенности идеологического дискурса в индустриальном социальном пространстве

Индустриальное социальное пространство, формирующееся в новое время в Западной Европе и позднее — в США, было пространством более динамичным, чем средневековое социальное пространство. Как пишет К. Лефорт, во всех доиндустриальных социальных пространствах способ производства консервативен; “при капитализме консервативна идеология, обязанная скрывать революцию, живущую в способе производства” [1, 292–293]. Изменения, связанные с промышленной революцией, сопровождаются изменениями в сфере знания о социальном и идеологии. Если в средневековом социальном пространстве идеология была связана с сакральным церковным знанием, источник власти определялся как трансцендентный и социальность трактовалась как мир земной власти, подчиненной власти высшего Божественного начала, то в индустриальном социальном пространстве картина социального мира меняется. Под влиянием процесса секуляризации социальность расколдовывается, источник власти помещается не вне, а внутри социального пространства, и различные социальные силы вовлекаются в процесс постоянной борьбы за власть. Отсюда индустриальное социальное пространство уже изначально разнородно и динамично, поскольку разделено линиями борьбы за различные виды власти — экономическую, политическую, символическую. Для объединения такого динамичного и разнородного социального пространства формируется идеологический дискурс, в котором уживаются различные картины социального мира: консервативные, либеральные, социалистические, анархические. Дифференциация социального сопровождается дифференциацией идеологии, которая не сосредотачивается в одном месте или на одном полюсе, а рассредотачивается по всему социальному пространству. Однако основной функцией идеологического дискурса в индустриальном социальном пространстве есть функция сокрытия социальных различий, формирование единой картины индустриального общества, где есть место для удовлетворения потребностей всех социальных групп на основании свободной экономической конкуренции.

Идеологический дискурс зависит от дискурса индустриальной социальной реальности, и это имеет множество последствий. Во-первых, идеологический дискурс осуществляет свой проект создания однородного социального поля, принимая на себя бремя вопросов (чтобы их нейтрализовать), возникающих в зависимости от дифференциации социального пространства. “Различным слоям, каждому в зависимости от условий, в которые они помещены, и в зависимости от их групповых интересов, приходится

говорить на языке, служащем “рациональности” и “реальному”, используемом для сокрытия любой трещины в пространстве и во времени, результатом чего является обеспечение взаимодополнительности представлений в определенную эпоху” [1, 295].

Во-вторых, попытка заполнить пробелы общего дискурса, всегда подчиненного опыту невозможности управлять тем, что образует социальную реальность, принуждает к “последовательному обращению к разнородным, логически несовместимым схемам объяснения, даже тогда, когда со всей очевидностью преобладает определенный образец” [1, 295].

В динамичном социальном пространстве борьбы групповых интересов идеологии крайне затруднена работа по затемнению разделения. “Она вынуждена видоизменять свои собственные выражения или прибегать одновременно к множеству представлений, чтобы заткнуть те бреши, которые перемены открывают в “рациональности реального” [1, 292]. Таким образом, затмение разделения в идеологическом дискурсе может происходить только посредством формирования некой рационализированной картины социального мира, когда эта картина выдается за саму суть социальной реальности, формирует ее универсальный смысл для всех социальных групп.

Если в религии образ Единого трансцендентен, поэтому не нуждается в дополнительном обосновании, то идеология, напротив, нуждается в собственной рационализации. Отсюда можно сформулировать гипотезу о том, что научный социологический дискурс связан с идеологическим как его рациональное выражение и саморефлексия. Без научного анализа идеологический дискурс индустриального социального пространства не может проверять свою связь с постоянно меняющейся социальной реальностью, что грозит ему утратой конкурентоспособности в символическом поле борьбы с другими аналогичными идеологическими дискурсами.

Если рассматривать идеологию как альтернативу целостной картине мира, создаваемую религиозным типом знания, то такая система представлений “держится на самой себе и превращает фактические условия социальной практики и социального дискурса в универсальные условия опыта” [1, 230]. Трансцендентальность как выход за пределы повседневной реальности сменяется поиском идеалов внутри самого социального. Особенностью идеологического дискурса есть удержание в себе универсального смысла, допускающего и даже в отдельных случаях предполагающего регулярный обмен между действием и мышлением. Если в религиозной практике христианства действие чаще всего имеет индивидуальный смысл и связано с очищением и приближением к духовному совершенству, то в идеологической практике действие наделяется коллективным смыслом, в нем в различной степени заложена идея жертвенности ради лучшего, более справедливого социального мира.

От консерватизма до анархизма сохраняется в идеологическом дискурсе одна и та же модель: воздвигается корпус предписаний, применение которых является условием знания и действия. Таким образом, дискурс о социальном утверждается как дискурс. Он строит картину социального

мира всегда с позиций высших идеалов, тем самым предполагая, что эти идеалы никогда не воплотятся в жизнь, но они создают феномен утопии, образ справедливого общества, к которому следует стремиться. Представители интеллектуальной элиты, формирующие идеологический дискурс, изначально ставят себя в позицию учителей и пророков, носителей и проповедников правил справедливого социального мира для всех слоев индустриального общества.

Через все идеологические переменные сохраняется идея учителя и хранителя общественных связей, которые отличаются хрупкостью. Социальное разделение скрывается благодаря следующей уловке: установлению различия порядка и беспорядка, организованной социальности и анархии. Это различие мы можем найти еще в “Левиафане” Т. Гоббса, когда противопоставляется война всех против всех как естественное состояние состоянию общественного договора, формирующего основание для государственной власти.

Данное различие не имело значимого статуса в религиозной картине мира, когда из иного, трансцендентного пространства греховный, земной мир социальности наделялся высшим сакральным смыслом. Отсюда любая власть, если она не исходила от Бога или его посредников, была нечиста и подвергалась проклятью. Разрушение религиозной картины мира, создание идеологического дискурса для динамического индустриального социального пространства привело неизбежно к путанице. Единый сакральный смысл социальности сменяется борьбой за символическую легитимацию картины социального мира между различными идеологиями индустриальной эпохи. Такая борьба строится не только на критике идеологии оппонентов, но и на требовании постоянного прояснения собственных позиций. Хотя всякий “идеологический дискурс стремится вернуться к той точке достоверности, где устраняется необходимость говорить” [1, 302], т. е. выдает себя за очевидное и общепринятое знание, но, с другой стороны, в идеологическом дискурсе изначально заложено требование периодически выяснять основание главных идей, связывать их с признаками в реальности.

Такая операция предполагает признание различия между тем, что существует, и тем, что говорится. “Дискурс знает себя как дискурс и довольствуется тем, что так себя и представляет. Так как при этом он поддерживает фикцию, что он владеет своими истоками и своим собственным пространством” [1, 303].

Обобщая краткое описание идеологического дискурса эпохи классического индустриализма, следует отметить, что ему был присущ внутренний разлад и противоречивость, которые, с одной стороны, позволяли менять картину социального мира в зависимости от изменяющихся обстоятельств, когда правящая элита переходила от идеалов консерватизма к либерализму и демократии. Но, с другой стороны, такое сочетание в одном символическом поле разнородных систем символов и идеалов создавало ситуацию символического хаоса, из которого в XX столетии сформировалось два возможных выхода — тоталитаризм и постмодернизм.

Рассмотрим особенности тоталитарного и постмодернистского идеологических дискурсов. При их сопоставлении с классическим буржуазным типом дискурса станут очевидны его противоречия и проблемные зоны, которые до сих пор остаются неразрешимыми.

Тоталитарный идеологический дискурс: отличительные черты

Противоречия, накопленные в идеологическом дискурсе классического индустриализма, пытаются быть разрешены идеологами тоталитаризма. Основная задача тоталитарного идеологического дискурса — завершить процесс затемнения образования социального, начатый в буржуазной идеологии.

В индустриальном обществе власть идеологического представления поддерживается постоянным откладыванием “решения”, переносом противоречия под прикрытием перестановки инстанции дискурса. При тоталитаризме существует грубое утверждение тождества представления и реальности. “В буржуазном обществе — компромисс между антагонистическими принципами. При тоталитаризме — общий ответ, который исключал бы следы вопроса” [1, 309]. Тоталитарный дискурс не ищет рациональных доводов и согласованности с реальностью, в отличие от буржуазного. При тоталитаризме идеологический дискурс заменяет и вытесняет социальную реальность или, лучше сказать, — отменяет ее.

“Буржуазная идеология стремится сделать заметной свою сущность дискурса и остается в стороне от власти, тоталитарный дискурс развивается в убеждении, что он запечатлен в реальности и воплощает возможность всеобщего и непрерывного господства своих внутренних взаимосвязей” [1, 306].

“Тоталитаризм — это попытка замкнуть социальное пространство в себе самом, исходя из воображаемого центра, из которого оно образуется, попытка достичь здесь и теперь совпадения бытия и явления” [1, 311]. В классическом буржуазном дискурсе такое совпадение невозможно, как невозможно совпадение реальности с идеалами демократии и социальной справедливости. При тоталитаризме на смену разделенного социального пространства идеологического дискурса приходит тотальное, неразделенное социальное. Провозглашается бесчеловечный дискурс общечеловеческого, в котором стираются все социальные и личностные противоречия.

Отсюда становится понятным, почему при тоталитаризме императив организованности пронизывает все сферы деятельности общества. Этот дискурс организованности устроен таким образом, что анонимное знание управляет мышлением и практикой всех членов общества, “поддерживается лишь постоянством обращения к авторитету, в котором концентрируется решимость” [1, 310]. В тоталитарном обществе не должно быть ничего лишнего, нецелесообразного. Оно “насквозь деятельно, занято обеспечением своего функционирования” [1, 306]. Поэтому тоталитарная идеология отвергает любое отклонение как дисфункциональность в системе. Организованность тоталитарной системы определяется ее нацеленностью на

центр, где хранятся знание и власть (в советской системе таким центром было идеологическое знание, сформированное марксистско-ленинскими философами, отсюда столь пристальное внимание к философии как идеологии и преследование диссидентов как вероотступников).

Тоталитарный идеологический дискурс бесспорно политический, но суть его в том, что он “отрицает политику как частное дело, пытается завершить распыление политики в стихии чистой всеобщности социального” [1, 306].

Современная форма идеологии — невидимая идеология постмодернизма

Все то же намерение — довести до ясности представление об однородности и об унификации социальности, которое мы находим в тоталитарном идеологическом дискурсе, характерно в определенной степени и для современной формы идеологического дискурса — постмодернистского. Если в тоталитарной идеологии дискурс объявляется реальностью, то в постмодернизме, напротив, реальность становится дискурсом.

“Скрыть дистанцию между представлением и реальностью, которая подвергала опасности буржуазную идеологию, отказаться от завершения представления в форме тотализации реальности — таков двойкий принцип, выстраивающий новую логику сокрытия в постмодернистском идеологическом дискурсе” [1, 316].

Если в буржуазном идеологическом дискурсе классического варианта “требовалось перемещение идеологических формаций, их допустимый конфликт и постоянно выстраиваемые компромиссы” [1, 315–316], то в новой идеологии формируется другой образ.

Возникает и складывается образ дискурса без границ, в котором все становится прозрачным, где субъект находится в постоянном круговороте информации. “Понятно, что такой дискурс будет делать вид, что игнорирует все запреты; поскольку он охватывает все социальное поле, он устраняет все дистанции, которые установил дискурс буржуазной идеологии” [1, 320]. Постмодернистский дискурс отличается от тоталитарного тем, что позволяет своим носителям говорить, вместо того, чтобы ограничивать предоставление слова, и “защищается от вторжения в свое пространство, изображая внутри самого себя место, отведенное для противника” [1, 320].

В отличие от тоталитаризма, в постмодернизме нет закрытости информации, вернее, в ней нет необходимости. Постоянно обновляющиеся темы, бесконечность речи сливаются в единый информационный поток, где весьма сложно выловить действительное знание. “Там, где тоталитаризм предохраняет себя от разрыва времен посредством грубого утверждения истины истории, которая достижения будущего превращает в развитие настоящего, новый идеологический дискурс овладевает признаками нового, обрабатывает их, чтобы устранить угрозу исторического” [1, 324]. В этой ситуации не знать означает не совпадать с духом времени, не совпадать с

обнаруживающим себя бытием социального. Но это не знание как понимание — это именно знание как информация, отсюда информированность заменяет процесс познания.

Дискурс всеобщего информационного обмена без границ и различий по социальному статусу дополняется дискурсом экспертного знания. В средствах массовой информации специалисты из различных областей науки выделяют неразличимость социальных границ и групп, объявляют конец политическому и идеологии с точки зрения традиции социально-классовых антагонизмов своими версиями развития вселенной, человека, общества, высказываются по поводу актуальных политических событий. Так в общий информационный фон привносится идея объективности такого научно-популярного знания и его господства над знанием всех остальных участников коммуникации. Дискурс экспертного знания — это дискурс, сформированный людьми, обладающими дипломами, званиями, учеными степенями — т. е. достаточным символическим капиталом, чтобы их высказывания наделялись наивысшим статусом объективности в поле всеобщей коммуникации.

В постмодернистском идеологическом дискурсе на смену образу общества, разделенного на социальные статусы в зависимости от имущественного и политического капитала, приходит образ общества, где неразличимы границы групп во всеобщем поле социальной коммуникации. Объявляется конец политическому и идеологии с точки зрения традиции социально-классовых антагонизмов. Постмодернистский идеологический дискурс не разговаривает возвышенным слогом, подобно классической буржуазной идеологии. Он делает вид, что “распространяет информацию для всех, изображает себя как непрерывный диалог и таким образом овладевает разрывом между самим собой и Другим, чтобы найти этому разрыву место в своем пространстве” [1, 318].

Однако в конце XX столетия общество глобальных коммуникативных сетей сталкивается с антиглобалистскими тенденциями. Глобальность коммуникации, обеспеченная новыми технологическими возможностями передачи информации, ограничивается тенденциями к локализации социальных пространств. Национализм, религиозный фундаментализм в конце XX столетия проявляют себя как такие антиглобалистские тенденции. Новый традиционализм оказывается особенно привлекательным на фоне постоянно меняющегося поля коммуникационного дискурса с единственной не очень обоснованной идеей — идеей толерантности. Ей в современном социальном пространстве успешно противостоят идеи культурной, этнической, национальной, расовой исключительности и самобытности. Данные идеи, поначалу включенные в общее поле идеологического дискурса индустриального социального пространства, поэтому вполне лояльные и рациональные, на сегодняшний день иногда приобретают черты “злойной сплоченности вокруг страсти исключающего Единого” [2, 56].

Результаты исследования

Основное отличие идеологии от религии состоит в том, что смысл бытия в религиозной картине мира вынесен за скобки социальной реальности — трансцендентен. В идеологической картине мира смысл бытия имманентен социальности, которая в этом случае выступает как замкнутый на себе мир, не имеющий выхода в трансцендентность.

Процесс осмысления сформированных в идеологическом поле символических систем, рациональная критика собственных оснований позволяет буржуазному идеологическому дискурсу соответствовать динамике социального пространства, удовлетворяя интересы носителей различных социальных и культурных идентичностей. Но в классическом буржуазном дискурсе образ социальности неустойчив и расплывчат, он может приобретать черты гражданского общества как пространства свободы слова и самовыражения, может приобретать черты анархизма или социализма. Отсюда формируются две альтернативы такому расплывчатому и противоречивому идеологическому дискурсу — тоталитарный и постмодернистский дискурс. Сходство их состоит в попытке создания целостного образа социальности без внутренних социальных противоречий.

Тоталитарный дискурс замыкает социальность вокруг одной идеи — коммунизм, национал-социализм. В этом случае в идеологическом центре социальной реальности находятся носители и хранители единой истины для всех, остальные социальные слои размещаются по принципу приближения или удаления от истинной идеи. Очевидными недостатками такого дискурса есть запрет на самовыражение и свободу слова, а также запрет на конфликты внутри правящей элиты, которая должна представлять перед лицом других социальных групп в виде единого, сплоченного вокруг идеи центра.

В этом отношении постмодернистский дискурс действует более эффективно, создавая свой образ целостной, непротиворечивой социальности. Этот образ предстает как поле открытой глобальной коммуникации без территориальных границ и социальных ограничений. Одним из немногочисленных препятствий для вступления в такое поле коммуникации признается ограничение в доступе к информации и знаниям, что может быть частично снято посредством постоянного повышения уровня образования и профессиональной квалификации действующими лицами коммуникации. Два ведущих принципа постмодернизма — толерантность и гедонизм — на сегодняшний день сталкиваются с новым традиционализмом или, скорее, новой архаичностью массового сознания. В результате этого столкновения, скорее всего, появится некая новая форма идеологического дискурса, более жесткого, чем постмодернизм, и более рационально обоснованного, чем национализм или религиозный фундаментализм.

Литература

1. Лефорт К. Формы истории: очерки политической антропологии / Пер. с фр. — СПб.: Наука, 2007. — 341 с.
2. Рансьер Ж. На краю политического / Пер с фр. — М.: Праксис, 2006. — 240 с.
3. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 800 с.
4. Жижек С. Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. — М.: Художественный журнал, 1999. — 236 с.

Н. Б. Отрешко

Міжнародний Соломонів університет, соціологічний факультет,
вул. Шолуденка, 1Б, м. Київ, 01021, Україна

ІДЕОЛОГІЧНИЙ ДИСКУРС ЯК ТЛУМАЧЕННЯ СОЦІАЛЬНОСТІ В ІНДУСТРІАЛЬНОМУ ТА ПОСТІНДУСТРІАЛЬНОМУ СОЦІАЛЬНИХ ПРОСТОРАХ

Резюме

У статті розглянуті особливості ідеологічного дискурсу в індустріальному соціальному просторі. Визначаються суттєві риси та відмінності класичного буржуазного, тоталітарного та постмодерністського типів ідеологічного дискурсу.

Ключові слова: соціальний простір, ідеологічний дискурс, буржуазний, тоталітарний, постмодерністський типи ідеологічного дискурсу.

N. Otreshko

International Solomon University, Sociological department
Sholudenko Street, 1B, Kiev, Ukraine, 01021

IDEOLOGICAL DISCOURSE AS THE INTERPRETATION OF SOCIALITY IN THE INDUSTRIAL AND POSTINDUSTRIAL SOCIAL SPACES

Summary

The author of this article considers specific traits of the ideological discourse in the industrial social space. It are made out significant traits classic capitalist, total and postmodern types of ideological discourse.

Key words: social space, ideological discourse, capitalist, total, postmodern types of ideological discourse